

Олег Паршев

Поиск дверей в зарю

Книга стихов

Олег Паршев

**Поиск дверей
в зарю. Книга стихов**

«Издательские решения»

Паршев О.

Поиск дверей в зарю. Книга стихов / О. Паршев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905356-5

И спасённый узнает, что вчера Создатель был берегом. Узнает, что Творец сегодня стал бродом. И где б Он ни шёл — то луною, то солнцем, то снегом... Это всегда был я. Спешащий от заката к восходу.

ISBN 978-5-44-905356-5

© Паршев О.
© Издательские решения

Содержание

Отражение	6
Ночная ящерица пела	6
Будто казалось...	7
Сочельник (Абсент)	8
Да	9
Вечер 6-го дня	10
Отражение	11
Флейтист	12
Памятник	13
Но пока	14
В одном на двоих	15
К восходу	16
Если выпустит тетива	17
К центру времён	18
Бей, барабанщик!	19
Завтрашний день	20
Самолёт продолжает взлёт	21
Стоп!	22
Взор бирюзовых роз	24
Прапрадед пил с утра какао	25
Чем пахнет город?	26
Сентябрют	27
Кому куёшь ты, кузнец Ареса	27
Тайна	28
Мой чёрный кофе всё чернее	29
Мне снились мной не купленные книги	30
Перелётный сентябрь	31
Утро расскажет	32
Глядя исключительно внутрь	33
Кто из них	34
Сентябрызги	35
Конечно, ты знаешь	36
В моей трёхмачтовой квартире	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Поиск дверей в зарю Книга стихов

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2018

ISBN 978-5-4490-5356-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отражение (2014—2015)

Ночная ящерица пела

Ночная ящерица пела
О всех пропавших в чужой земле.
Мелело пламя и небо тлело,
И звёзды таяли на столе.
И звуки стыли, и тайна зрела,
И дали ткали рассветный дым.
Парили памяти злые стрелы
Над всем забытым, пережитым.
И мы притихли, и ветры смолкли.
Тонули искры в глазах икон.
Лишь чуть звенели в саду осколки
Разбитых нами цветных времён.

Будто казалось...

Три дамы в вуалях и шляпках
Гуляли по зимнему парку.
Одна всё корила кухарку,
Что, мол, как ни вечер, пьяна!
Другая, укутавшись зябко
В кашне кашемировой пряжи,
Мечтала, любуясь пейзажем.
А третья была влюблена.

И к ним подошли офицеры.
Видали таких вы едва ли.
Всё ленты, кресты да медали —
Не жалко на них галуна.
— Позвольте-ка с вами — по скверу?
Две дамы кивнули: пожалуй...
А третья плечами пожала —
Своею любовью полна.

...А дальше — пылали метели
И рушились судьбы и троны.
Ревели набатные звоны,
А горести пили до дна.
Когда ж зацвели повители,
То их — шестерых — не осталось.
Всё минуло, будто казалось...
За что же такая цена?

*Повитель — народное название некоторых видов рода Ипомея; выющееся растение; цветки его распускаются в пасмурную погоду, предвещая солнце.

Сочельник (Абсент)

Ситечко, сахар, абсент. И Вертинский – Пьеро...

Всё, господа, на зеро! —

Все года, города!

Хватит – на красное с белым.

Ставили – не уцелело.

Что ж в этой Сене такая чужая вода?

Крым, толчея, пароход, прокопченный Марсель...

Хмель. Поезда. Бешамель.

И – богемный Париж.

Всё вещала, подобно Кассандре,

Что сбываются сны о Монмартре!

Домечталась, догрезилась... Или ты всё ещё спишь?..

Впрочем, довольно терзаться в скупой тишине;

И при погасшей луне

Ублажать *nostalgie*.

Нынче сочельник – морозно.

Между каштанов – берёза.

Ты-то какими ветрами сюда? Расскажи...

Нет, не любила тебя я в минувшей дали.

Нам подавай миндали!

Ах, какие глупцы!

Знаю, тебе одиноко.

Ты подожди-ка, я локон

Выйду, поправлю тебе. Мы с тобой близнецы...

Звуки угасли в «Пате». Рождество на дворе.

Стыло и тут в январе.

Да и ветер жесток.

Год будет снова нещадным.

От «бега» – вот уж десятым...

Мери почти что не плачет. Алеет восток.

Да

Задумался. Свернул (по Фрейду?) и сам не знаю куда. Голос прозрачный чей-то буркнул: здесь время тех, у кого наготове «да». Знакомый? Конечно же! Вон он – ухмыляющийся альтер-эго. Экий же, право, хлыщ! Шляпа с плюмажем и шпоры. А лет ему, между тем, уже пару тыщ. Он был внутренним «я», говорят, у Тагора (который Рабиндранат) и Вещего князя Олега. На плече – эдгарповский ворон, в руке – шкатулка. Не та ли, в которой письмо Лилит дошло до Пандоры?

– И что у тебя такой ошпаренный вид? Ты сам вышел к этому переулку...

– Слушай, – поморщился я, – а ничего, что ты похож на коллекцию нестреляющих ружей?

Ещё б что-то сказать, но «да» уже отрастило крылья, щупальца и шипы. Пришлось выпускать его изо рта. Только глаза его были пока слепы. Ладно. Взял за руку, повёл рядом. Так мы и двинулись триумвиратом – я, Альтер и растущее Да.

А твой дом был совсем таким, как на иллюстрациях к Грину.

– Не парься. Я сам нацелился как-то в Сикким, а вышел к Пекину, – сказал ободряюще Альтер и ткнул в объявление на столбе.

– Если будешь с теми, – кивок на твой дом, – кто нужен тебе...

Но я не слушал. Читал. А там...

«Бригада грузчиков расставит всё по своим местам». А внизу – телефоны и подпись: Время.

Вечер 6-го дня

– Нет, право, Отец, вот, как говорится, при всём уважении... Конечно, Ты в этом деле – спец и Гарант Абсолюта. Но это, по всему судя, совсем не люди! Единственно, более-менее, похожи уши, остальное, мягко говоря, не дюже. Хотя, может, сгодятся они в виде, скажем, этюда?.. Ну, сам посмотри, какие странные лица у этих псевдолюдей! Два глаза рядом, а у классических – ну, Ты помнишь – у тех, что делали в предыдущей вечности, да, я знаю, что не у всех... так вот, у них – одно око там, где живот, а другое сзади. А где шипы, которые росли вот тут – посреди? Ты о них и вовсе забыл, поди... И чего, спрашивается, ради Ты им приделал вот эти, так называемые, руки? Можно перелистать на досуге каталог-бестиарий. Уверяю, там нет ничего такого... И какой смысл во всех этих ab ovo? Не приведи, увидишь в ночном кошмаре таких, прости, Господи, меня, людей... И кровь у прежних была локальна, даже, не побоюсь этого слова, дискретна.

Да, мы понимаем, что у Тебя полно всяких идей, и всё у Тебя ново и парадоксально. И что сейчас скажешь, мол, валите, ребята, постройте ещё пару лимбов и кругов этого пресловутого ада... Ладно, на нет и Страшного суда нет, но...

Два ангела (один с нимбом – тот, что буркнул: «а крылья не предусмотрел совсем!», а другой с рогами) переглянулись, пожали плечами едва заметно. А Господь, между тем, смешивал свет и льдины, с улыбкой прятал звёзды между слоями глины.

И потихоньку лепил Адама.

Отражение

Пролетевший листок, притворившись колибри,
Отразился во льду замерзающей лужи.
Так – незримые нам – отражаются в Тибре,
Стережущие Ponte Sant' Angelo, души.

Растопив глубину, отражение от зыби
Оттолкнулось скорей (тут по счастью мелко),
Отряхнувшись, испарив, и отпрянув от липы,
Воссияло в глазах пробегающей белки.

Рикошетом – в траву, и немедля – в тельняшку,
Что носила берёза, да к иве плакучей.
Здесь открылся на миг небосвод нараспашку.
И сиянье взлетело. И сдвинулись тучи.

И Господь улыбнулся, поймав отражение.
И сказал: отчего б не сыграть в эти игры?
И ступил с высоты. И пошёл на снижение —
Невесомым листком, что похож на колибри.

Флейтист

Юный флейтист, побледнев, прошептал:
К рассвету нужна труба,
Словно заячий бег и волчий оскал —
К свежему снегу.
...Если задумаешь дважды войти в бурлящую реку,
Позволь и воде дважды войти в тебя.

Юный флейтист поднёс, побледнев,
Пламя к безусым губам.
Он понял: слова – не больше, чем блеф.
Истина молчалива.
...Если когда-то захочешь уйти по тихой тропе отлива,
Стань для начала этой тропой сам.

Юный флейтист вышел на связь,
Когда сгустилась зима.
Так и не смог он жить не смеясь —
Как Иона во чреве...
...Если решишься всплывать со дна, подобно Адаму и Еве,
Сперва отыщи себя на кресте – на самом верху холма.

Памятник

Я – памятник (и ник)
Себе воздвиг.
Незыблем он – страницами порталов.
Плывут слова
В распахнутый тайник.
И не страшна мне вещая молва,
Что, мол, лишь клик —
И розыгрыш финала.

Я всё пишу, пишу себе,
Пишу. И пишут мне... Вот, в Душанбе
Цветёт айва;
Вокруг мерцанья Рицы
Гнездятся и птенцов выводят птицы...
Но всё ж... я —
Памятник. Взираю с пьедестала.
Жизнь кое-как меня перелистала,
Осталось: даты, подпись и печать.

О чём я?.. Да, айва... Она цветёт.
Её вкушать
Дальнейшим поколениям.
Счастливым будущим набивши полный рот,
Презрев раздор, шагнут они вперёд
Без колебаний и без промедленья.
А мы уже стоим
В граните, бронзе, радуге и громе.
А им... Да, без сомненья, им
Достанется всё наше, кроме
Любви, что нас тащила по судьбе
И той мечты... Да, той – от дали к дали...

Стою, воздвигнув памятник себе,
И думаю, а я ли это, я ли?..

Но пока

Вчерашняя ночь
(так частенько в наших часовых поясах)
напоминала бутон василька.
Время изредка било в гонг.
Кукушка в часах
с автоответчиком и программой Excel
играли в трёхмерный маджонг.
Пилоты планет отмечали сны —
пили отражённый эль.
А испуганный чёрт шептал у виска:
«этак может дойти до войны,
не приведи, они посадят наши миры на мель».

Но пока
Из ойкумены не выдернута чека.
Пока
наша новая вечность легка...

И солнце смотрит в небо наших земель.

В одном на двоих

Клара Карлу готова отдать последний кларнет.
Она знает, что Карл может вернуть их память назад.
А он подбирает солнца лучи – те звенят, будто горсть монет.
И мечтает, что может их обменять на её единственный взгляд.
И каждое утро он приносит кораллы Кларе.
Кладёт ожерелья и бусы к её ногам.
И говорит: Клара, мы швартуемся к отмели лунного инея.
Клара, мы прежде здесь не были – и не ты, и не я...
И солнце горит – одно на двоих —
В одном на двоих бокале.

Ветер, что плыл по снегам,
Утих...

К восходу

Ещё одного завтра зарюют в ветер и небо,
Погребут под лавиною снов, что наступят затем.
И выпив по стопке, чуть постояв у склепа,
Уйдут обратно в Эдем.
А погребённый увидит, что раньше Господь был рыбой.
Увидит, что Спаситель прежде был птицей.
И куда б Он не шёл: на Голгофу, костёр или дыбу —
Это всегда был я. Лишь меняющий имена и лица.

Ещё одного завтра найдут, а в нём-то – ни зла, ни света.
Ещё одного вынут из горя – сложенного в троеперст.
И бросив на счастье в вечность монету,
Дальше потащат крест.
И спасённый узнает, что вчера Создатель был берегом.
Узнает, что Творец сегодня стал бродом.
И где б Он ни шёл – то луною, то солнцем, то снегом...
Это всегда был я. Спешащий от заката к восходу.

Если выпустит тетива

Дюны, словно бутоны. Они ещё спят.
Их колени укутаны в лунный плед.
Все отраженья можно вернуть назад.
Даже те, которых пока ещё нет.
Меняется время, но не времена.
Храм пьянящей любви ограждает стена.
Сны, нас увидев хоть раз, долго смотрят нам вслед.

Тени соек застыли в гирлянде луж.
Неисчерпаемость пьёт улыбка свечи.
Нынче вышли сроки беспечных душ.
Их по весне вновь принесут грачи.
Наши взгляды так хладны, костёр продрог,
Но – идём! Пепел времени не глубок.
Отыщем наш дом, раз уж нашлись ключи.

Голос услышать проще всего в тишине.
Звуки цветут привольно, будто трава.
Лезвие света где-то на самом дне.
Если не взрезать ночь, не придут слова.
Судьбы в небесном огне реторт
Звёздами брызжут. И манят в порт.
А дальше лети, если выпустит тетива.

К центру времён

Мой кораблик плывёт меж небес от тебя до тебя.
Это – странствие к центру времён и немножко по кругу.
Сны архангелы хором слагают, в закаты трубят.
А заря мироточит вдали и творит мне кольчугу.

Мне доспех пригодится. Я нынче иду сквозь печаль.
А за ближнею тьмою лежат дни открытого солнца.
Дождик времени точит судьбы` верстовую скрижаль.
Звёзды мне уготовили в дар счастье канатоходца.

Где кончаются топи судьбы, начинается дом.
Провожали у пирса меня три бурана с метелью.
Им неведом покой, им не важно, что будет потом.
Но они загружали мне в трюм для тебя ожерелья.

Горизонты вселенной пусты и прохладны, как дым.
Ветры странствий парят за кормою в безвидном покое.
И украдкою шепчут: а хочешь, давай погрустим?..
А потом улетим за черту вместе с нашей тоскою.

Все законы движенья теней мне теперь не указ.
А препоны зеркал мне отныне послужат порталом.
Сквозь эфирные волны спешу и мечтаю о нас.
Тихо всходит улыбка зарниц в перламутрово-алом.

Бей, барабанщик!

Бей, барабанщик! Труби, горнист!
Снова морок отмерил срок.
Ржавый пепел, как палый лист,
Тенью стелется на порог.
Бей, барабанщик! Греми в набат!
Храм порушен. Убит звонарь.
Ну! Давай же! Да где ж ты, брат?
Видишь, в небе седая гарь?!

Эй, приятель! Где ж ты исчез?
Время жалит. Стучи! Стучи!
Пламя рвёт паруса небес.
Скоро всех нас сожгут в печи.
Вот и трубач, по всему, сробел —
Бросил в реку весёлый горн.
Но не спрятаться тем, кто бел,
В сумрак воронов и ворон.

Где ж вы, люди? Вставайте меж
Тех, кто хочет взрывать миры.
Цепью. Рядом. Создав рубеж.
Ветры стонут. Ревут костры.
Но – молчат и дрожат в норе.
Копят стылое счастье впрок.
Кровь невинных на алтаре...
Взгляд в прицеле.
Затвор.
Курок.

Завтрашний день

– И как вам этот завтрашний день?
– Почти впору, но, пожалуй, чуть длинноват.
– Эт мигом! Чуть подрежем закат,
Подошьём вот эту оборку-тень,
Чтоб и оборотень не прошмыгнул.

Портной залезает на стул,
Щурится, бурчит: вот-вот...
Отрывает зубами иголку.

– Всё! Вам очень идёт!
Кстати! Можем ещё набить вам наколку.
Что-нибудь бодрое. Ну, скажем, «смерть – врагу!»

Но я отстраняюсь. Говорю: нет, нет...
Расплачиваюсь на бегу.

Портной несколько раз стреляет мне вслед.

Самолёт продолжает взлёт

Самолёт долго набирал высоту полувойны,
Тормозя на ухабах полураспада.
У каждого – волны совести разной длины.
И душа – собственного формата.
Знаешь... когда отцветает время, отраженья становятся одиноки.
Если судят, лаская личный аршин, мгла открывает счёт.
Реальность без людей – идеальна. Она подведёт итоги.

Самолёт продолжает взлёт.

Стоп!

Садимся в трамвай.
Места для поцелуев. Всё, как всегда:
намасте, финты и подножки, крики «банзай!»
– Дамы и господа,
мы рады приветствовать вас
на борту нашего сна.
Генератор случайных биомасс
выводит на экран образ пилота в виде дна
перевернутого окна.
Оглядываюсь. Водитель
параллельного трамвая ещё хуже,
пожалуй.
Он так зарос рогами, что они разрывают китель.
Выдают информационные жала,
беруши.
Я беру немного гранат.
Дальше – киножурнал, реклама,
коктейль, салат;
чуть новостей:
в прифронтовой полосе
инспекция ОБСЕ
обнаружила клюв
гигантского марсовидного гишпопотама;
двояковоскресший репей
встретился со своею женой из будущей реинкарнации.
Тут – обрыв ленты, помехи в рации,
невнятное «бу-бу-бу»,
точки, тире, титры,
прозрачные руки, вырастающие на лбу,
загораживают глаза.
Голосуем «против», но многие – «за».
Каждый метит в наполеоны, махатмы, арбитры.
Штыковая атака.
Барабанная дробь. Кто-то (мечтательно):
о нас ещё сложат саги...
Кто-то (выдохнув): прошла по касательной...
Возгласы: оккупант!!!
(Кричат сразу со всех сторон.)
Все вскакивают, пытаются друг друга бодать
отражением фантомных пант;
поминают старорежимный ять.
Летят самолёты, мчит кавалерия.
Я подаю тебе руку. Шлюз-парашют-земля.

Всё. Стоп. Прорастаю, становлюсь деревом,
лесом, сельвой, тайгой.

Ты – где-то в ветвях, словно наяда.
Радуга твоих волос кружит пургой,
плывёт, словно осень, впадая в ближайший весенний дом.

А в это время мой совсем другой я,
замыкая сумерки льдом,
бродит по саду
улыбающихся камышей,
сыплет горстями сушёные страхи минут
стайке ручных ножей.
Те проголодались. Клюют.

Взор бирюзовых роз

Взор бирюзовых роз
Свеж, как февральский лёд.
Звон родниковых ос
Ночь превращает в год.
Высится тишина,
Прожитый миг нелеп.
Новые имена
Реют в ветрах судеб.

Утро поёт: дин-дон,
Вечер куёт ключи.
Кружат миры: день-сон.
Пламя небес горчит.
Видятся сквозь туман
Будущего дымы.
Дождик поёт: инь-ян.
Значит, тут где-то мы.

Прапрадед пил с утра какао

Прапрадед пил с утра какао,
Вкушал яишню не спеша.
Читал газету. Радикалов
Корил в четыре этажа.
(Они опять призывали к стачке,
А тут – Цусима и позор!...)
Потом адресовал укор
Министрам, дворнику и прачке;
Честил полицию («сатрапы»!),
Сердась, хватал сюртук и шляпу
И с тростью выходил во двор.
Пора в присутствие!
– Извозчик!
– Да, барин!.. Мигом долетим!
– Какой те барин? Я попроще!..
Давай же, трогай...

Горький дым
Уже стелился над страной.
Всходило новое. Иное.
Не лёгкий жребий выпал им...

Сто лет промчалось, даже боле.
И снова слышится: «доколе?».
(У нас особенная статья!)
И дым опять тягуч и едок.
Но спи спокойно, славный предок!
Прорвёмся! Нам не привыкать!..

Чем пахнет город?

Чем пахнет город? Гарью стылой,
Шершавой тенью кирпичей,
Кривой улыбкой сытой Сциллы,
Лучом, уснувшим на плече,
Бегущей строчкой дальних тучек,
Озябшей звёздной пылью,
Зимой – дремучей, неминучей,
Весной – упавшей на лицо...
Но сколько б ни перечислял я,
Не рассказать мне никогда
Как пахнут злобой и печалью,
Войною, пеплом, стоном, сталью
Разрушенные города.

Сентябрют (2015)

Кому куёшь ты, кузнец Ареса

– Кому куёшь ты, кузнец Ареса,
В ночи мечи?
Кому на горе горит железо
В громах печи?
Какому воинству ты готовишь
Копьё и бронь?
Скажи, каких одарит чудовищ
Твой злой огонь?

Коваль взгляделся в свой молот алый
И жар в печах.
И сокровенье затрепетало
В его очах.
Он молвил: ярости вышло вволю
Из этих рук.
Теперь же жажду: пойдёт по полю
Мой ладный плуг.

Тайна

Глянешь рыжеоко,
Ступишь на порог.
Что отдам? Немного —
Только сердца клоч.
Но возьми хоть это.
Чем тебе не брошь?
А другого нету;
Что с меня возьмёшь?

И иди скорее,
Позабудь меня.
Я твой путь согрею,
Дам с собой огня.
Жаль, что дальним хладом
Рядом не пойдём.
Не грусти, не надо.
Тайно мы – вдвоём.

Мой чёрный кофе всё чернее

Мой чёрный кофе всё чернее,
В нём – одиночество и блажь.

А не податься ль к брадобрею?
А то гляжусь уже шарпеем
И нос теряет свой кураж.
Схожу. Вот только перца малость
Чуть-чуть, на кончике ножа
Добавлю в кофе. Чтоб разыгралась
Моя душа, миры круша.
А впрочем, мне индифферентно,
Что я в браде своей погряз.
Не лучше ль – в лавку за абсентом,
Да в море вывести баркас?..
Пишу тебе: пойдёшь со мною
Туда, где волны под луною?..
Ты отвечаешь: да, сейчас!

А дальше – проще! Чайки реют,
Вдали пасётся кашалот.
И ил сквозь пену зеленеет,
И я карабкаюсь по реям.
И мачта скрипкою поёт.

Мне снились мной не купленные книги

Мне снились мной не купленные книги.
Взирали. Ни упрёка, ни слезы.
А мимо шли прохожие безлико,
А день ронял увядшие часы.
А рядом бились в неизбывной сече
Миры, пространства. Им наперекор
Струился в отрешённом бесконечье
Наполненный безмолвьем разговор.

– Мы будем вместе, дайте только время.
– Мы знаем. Верим. И тебя простим.
Мы лишь чуть-чуть побудем с ними, с теми...
Но наш с тобой союз неразделим...
И я кивал. И думал: скоро, скоро!
Но путь мой стёрли судьбы-жернова.
А книги ждут. Ни вздоха, ни укора.
Лишь тише их безмолвные слова.

Перелётный сентябрь

В мёд августа
Перелётный сентябрь окунул крыло.
(Что поделать?.. И небо ему мало`...)
Так густа
Пустота прохлады!
Ночь отмыкает свои тайники.

Заоконность лиственна и просторна.

Жадно приникли к огню звездопада
Едва не погасшие светляки;
К рассвету выпьют всё до последней звезды.

Ветер подносит к губам валторну.

Время – разбрасывать зёрна,
Время – вкушать плоды.

Утро расскажет

Бандероль с моей смертью пока ещё ищут на почте...
Но август вытащил лезвие, думает: не полоснуть ли?
На краешке стула балансирует Уицилопочтли,
Улыбается: мы же друзья, зови меня запросто Вицлипуцли...

Ты пишешь полуночным кеглем:
«У тебя снова хандра?
Иногда кажется, что у тебя в голове – дыра,
Сквозь которую утекают миры.
Заткни же её, немедленно!»

А я и не спорю.
Просто сажусь у жерла чёрной дыры,
Свешиваю ноги в золото паутины.
Раскуриваю трубку, держащую небо над морем.

Утро расскажет мне танцем рассветной воды,
Куда уплывают следы
Твоей бригантины.

Глядя исключительно внутрь

Диоген идёт потихоньку по диагонали.
Не догонит его никогда Ахиллес – на черепахе летящий.
И Диоген ставит в финале витиеватое vale.
И скрывается в бочкоутробной чаще.
Я тут же бросаю высчитывать целесообразность,
Ибо нет никакого смысла, хоть до утра миры перламутрь.
И возвращаю кристальную паукообразность,
Глядя исключительно внутрь.

Кто из них

*Встретились два схимника, будто бы вышли из-под земли.
Из-под нависшей седой брови смотрит глаз, одичало смотрит.
Павел Корин*

Вышли два схимника
Будто б из-под земли.
Один – с золотым вороном.
Другой – с посохом в виде воды.
Первый сражался при Рымнике,
Ладил дирижабли и корабли.
Второй раздал себя на 44 стороны,
И вот – одежды его худы.

Взгляд друг на друга бросили,
Да так, что меж ними прошла борозда —
Вонзилась в синие выси,
Нырнула за пенный плёс.
Возможно, всё двигалось к осени,
Поскольку по миру мела беда,
И всем раздали по невидимой крысе,
Забрав не только божьих коровок, но и чёртовых коз.

Один – проклял людей,
И ушёл от них навсегда.
Другой – всех возлюбил,
И в пустынь побрёл от них.
Первый думал: он всех святей,
Как солнце во чреве льда.
Второй молил Господа, что есть сил
За всех ушедших и всех живых.

Кто из них свят,
Знают те, кто уже не сносил головы.
Кто спасётся из них и спасёт,
Скажут те, кто ещё не рождён.
Но те, кто вернулся назад,
Те, кто накладывал пламя на вздох тетивы,
Берут разрешение на взлёт...
И входят в шёпот Его знамён.

Сентябрызги

Твои каблучки на паркете
Отражаются треугольно.
Осень, забывая об этикете,
Входит запросто, беспарольно;
Разливает ветреный сентябрют. И сентябрызги
Падают то лучами, а то – дождём...
К ноябрю лучи дозреют до виски.
Посидишь тогда со мною на крыше с открытым ртом?..

Прости! Я знаю, шутка вышла не очень...
Сентябритва уже ползёт по закату вниз.
Купол мира сегодня совсем не прочен.
Это – движется сентябриз...

Конечно, ты знаешь

Конечно, ты знаешь, что сны в тридевятые яви
Отважно плывут по расплавленной мысленной лаве.
Над ними сгущаются тени сомнений и грозы.
Но их берегут от угрюмого горя матросы.

Конечно, ты знаешь, что эти матросы крылаты.
У них бескозырки из радуг, из пены – бушлаты.
И каждый матрос – это книга грядущих событий.
И каждый из них – Ломоносов, Ферма или Фидий.

Конечно, ты знаешь, что судьбы сбываются в сердце,
А ночь нарастает, и сложно куда-либо деться.
И мечется, тает испарина дня – был да вышел.
И прячутся шишелы-мышелы в шкаф и не дышат.

Конечно, ты знаешь, что всё это кончится миром.
И небо вспорхнёт и рассыплет янтарь и сапфиры,
Крыла распахнёт по-над нами в свободном парении.
И с радостью встретим мы вечности любведаренья.

Конечно, ты знаешь, что деньги повсюду отменят.
И счастье станет валютой по всей ойкумене.
Конечно, ты знаешь, что свет фонарей не сдаётся,
И каждое утро взлетает и въётся у солнца.

В моей трёхмачтовой квартире

В моей трёхмачтовой квартире

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.